

УДК 314.74:316(571.150)

**РИСКИ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ
И ПОЛИТИКА ИНТЕГРАЦИИ
В АЗИАТСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ РОССИИ
(ПО ДАННЫМ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
В АЛТАЙСКОМ КРАЕ)***

Д.А. Омельченко¹, С.Г. Максимова¹, И.Н. Молодикова²

¹ *Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,*

² *Центрально-Европейский университет, Будапешт, Венгрия,*

e-mail: daria.omelchenko@mail.ru, svet-maximova@yandex.ru, molodiko@ceu.edu

Миграционные процессы в азиатском приграничье играют важную роль в детерминации демографических, экономических и культурных изменений в странах исхода и прибытия. Российские приграничные регионы выступают «буферной зоной», в которой осуществляется прием, первичная адаптация мигрантов, закладываются предпосылки для дальнейшей интеграции в российское общество. Смена приоритетов в российской миграционной политике — попытки внедрения комплексного, дифференцированного подхода к регуляции миграционных потоков, ужесточение требований к лингвистической и правовой компетентности приезжающих, повышение привлекательности страны для международных мигрантов требуют отладки социальных механизмов интеграции, включающих институциональные, организационные и индивидуальные составляющие, кардинального переформатирования отношений между принимающими сообществами и мигрантами. Социологическое исследование, проведенное в Алтайском крае в 2017 г. (формализованные интервью с населением, n = 932, возраст опрошенных от 18 до 70 лет, и интервью с мигрантами, пребывающими на территории России не более 5 лет, n = 317, возраст от 16 до 73 лет), позволило проанализировать особенности восприятия населением миграционной ситуации, мигрантов и миграционной политики, положительных и отрицательных эффектов международной миграции, а также выявить ожидания и установки самих мигрантов относительно их будущей жизни в России, проанализировать их аккультурационные стратегии. Делается вывод о том, что для населения Алтайского края проблема приема иностранных мигрантов является менее актуальной по сравнению с социально-экономическими проблемами региона и депопуляцией. Осознание наличия определенных выгод от миграции сопряжено с устой-

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ, проектная часть государственного задания «Транзитная миграция, транзитные регионы и миграционная политика России: безопасность и евразийская интеграция» № 28.2757.2017/ПЧ (2017–2019).

чивыми негативными стереотипами и предвзятыми представлениями о мигрантах и миграции. Мигранты, напротив, демонстрируют высокий уровень удовлетворенности своим положением и оптимизм относительно взаимодействий с местным населением. Учитывая скрытое недовольство населения и низкий уровень доверия мигрантов к социальным институтам, значительную роль социальных сетей в доступе к социальным услугам, авторы делают вывод о латентном характере миграционных рисков в регионе.

Ключевые слова: *международная миграция, азиатское приграничье, мигранты из стран СНГ, риски и возможности миграции, миграционная политика, политика интеграции.*

RISKS OF INTERNATIONAL MIGRATION AND INTEGRATION POLICY ASIAN BORDERLAND (ON THE RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH IN THE ALTAI TERRITORY)

D.A. Omelchenko¹, S.G. Maximova¹, I.N. Molodikova²

¹Altai State University, Barnaul, Russia

²Central European university, Budapest, Hungary,

e-mail: daria.omelchenko@mail.ru, svet-maximova@yandex.ru, molodiko@ceu.edu

Migration processes in the Asian borderland play crucial role in determination of demographic, economic and cultural changes in sending and receiving countries. Russian border regions serve as a «buffer zone» in which migrants get primary adaptation, provide conditions for further integration into Russian society. Changes in priorities in Russian migration policy, aimed at implementing complex, differentiated approach to regulation of migration flows, increasing demands for linguistic and legal competence of new-comers, enhancing the attractiveness of Russia for international migrants need fine-tuning the social mechanisms of integration, including institutional, organizational and individual components, reformatting relationship between migrants and hosting communities. Sociological research, conducted in the Altai territory in 2017 (formal interviews with population, n=932, in the age of 18-70 years old, and interviews with migrants, staying in Russia less than 5 years, n=317, from 16 to 73 years old), examined peculiarities of perception of migration situation, migrants and migration policy by population, their evaluations of positive and negative effects of international migration, and analyzed acculturation strategies, expectations and attitudes of migrants towards their future in Russia. It was concluded that population of the Altai territory is rather unconcerned with international migration problem which is assessed as less relevant than socio-economic problems and depopulation. Awareness about possible gains from international migration is related with negative stereotypes and biased representations of population about migrants and migration. Migrants themselves, in contrast,

demonstrate high level of satisfaction with their position and optimism about interactions with native population. Meanwhile, taking into account, hidden discontent of population and low level of trust towards social institutions among migrants, high level of informal networks used to access social services, authors conclude about latent character of migration risks in the region.

Keywords: *international migration, Asian borderland, migrants from CIS countries, risks and opportunities of migration, migration policy, integration policy.*

Введение

Международная миграция является для России, как и для других стран мира, феноменом, оказывающим значительное влияние на экономику, политику, культуру, социальную сферу, долговременным трендом, обусловленным объективными предпосылками, прежде всего экономического и демографического характера (Иванов, 2011; Беляев, 2017; Рязанцев, Богданов, Храмова, 2017). С конца «нулевых» в России наблюдается сокращение населения в трудоспособном возрасте, достигающее в отдельные годы порядка миллиона человек в год. Преодоление данной тенденции носит вероятностный характер и ожидается не ранее чем через 10–15 лет (Андреев, Вишневецкий, 2014). Быстро и эффективно компенсировать демографические потери в настоящее время возможно только благодаря привлечению мигрантов, как нанимаемых на временные рабочие места, так и долговременных, стремящихся остаться в России надолго и стать в перспективе ее гражданами.

Россия является второй после США страной, аккумулирующей наибольшее количество мигрантов (Иванова, 2013; Heleniak, 2016). Официальные статистические данные Министерства внутренних дел свидетельствуют о достаточно устойчивых миграционных потоках, только в 2017 г. составивших около 15 млн чел. Основная часть мигрантов проистекает из стран — членов СНГ (67,9%), что помимо инерционных процессов, связанных с историческими событиями и репатриацией, обуславливается развитием проектов евразийской интеграции, в том числе образованием в 2015 г. Евразийского экономического сообщества, в которое вошли пять стран (Россия, Казахстан, Армения и Кыргызстан). Большая часть международных мигрантов (52,4%) являются гражданами Украины, Узбекистана, Казахстана и Китая, при этом основными поставщиками иностранной рабочей силы (те, кто при въезде указал причину «работа по найму») служат страны Средней Азии — в первую очередь Узбекистан и Таджикистан. Ежегодно около 200 тыс. иностранных граждан получают российское гражданство и около 300 тыс. — разрешение на временное проживание, около 1,5 млн трудовых мигрантов (1,5 млн в 2017 г., 1,4 млн в 2016 г.) получают патенты на работу (по данным МВД РФ и ЦБДУИГ, Цит. по: Деминцева, Мкртчян, Флоринская, 2018). Присутствие в России нескольких миллионов мигрантов из Центральной Азии в последнее десятилетие выступало ключевым фактором, определяющим стабильность региона (Lang, 2017).

Политические решения российского правительства в области регулирования миграционных процессов последних лет направлены на конкретизацию и ди-

версификацию миграционной политики, повышение привлекательности России для международных мигрантов (Мукомель, 2005; Сулейманова, Рябова, 2016). Либерализация, последовавшая за периодом жесткого, если не сказать репрессивного, контроля за миграцией (в ходе которого задача по регулированию незаконных потоков трудовых мигрантов так и не была выполнена) и дифференцированный подход к разным категориям мигрантов (трудоустроенные низкоквалифицированные мигранты, соотечественники, желающие вернуться на историческую родину, высококвалифицированные специалисты и др.) в сочетании с административными мерами должны по замыслу политиков не только увеличить объемы международной миграции, но и улучшить качество статистического учета, создать условия для «выхода из тени» нелегальных трудовых мигрантов (Концепция миграционной политики до 2025 года; Ивахнюк, 2015). Было принято несколько мер, направленных на повышение уровня адаптации и интеграции иностранных мигрантов благодаря возможностям изучения русского языка, истории основ законодательства, получения информации о культурных традициях народов России, норм и правил поведения, получения юридической поддержки (Малахов, 2015; Мукомель, 2016; Максимов, Морковкина, Омельченко, 2017), однако их эффективность еще предстоит оценить.

Дискурс СМИ строится вокруг тезиса об отсутствии в России грамотной политики интеграции, как в плане наличия концептуальных основ, так и конкретных институтов ее осуществления¹, чему способствуют изменения в полномочиях ведомств, курирующих вопросы, связанные с адаптацией и интеграцией мигрантов. После упразднения Федеральной миграционной службы в 2016 г. ее функции и полномочия были переданы Главному управлению по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации. В 2017 г. Президентом был подписан указ, наделяющий полномочиями по выработке государственной национальной политики и социокультурной адаптации мигрантов Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН). В настоящий момент агентством разработан законопроект «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в РФ»², где определены основные понятия и установлены организационные, правовые и экономические основы адаптации мигрантов, а также разделены полномочия в этой сфере между ФАДН и МВД. Однако законопроект до сих пор не принят, отчасти ввиду наличия определенных претензий к его содержанию³, а ФАДН в условиях отсутствия бюджетного финансирования надеется привлечь к решению «мигрантского вопроса» НКО и бизнес. Чиновники склонны понимать интеграцию мигрантов довольно узко, и это понимание «существенным образом расходится с международным опытом интеграционной политики» (Варшавер, Рочева, 2016).

1 Подготовлен ФАДН России 30 мая 2017 г.

2 См. Варшавер Е.А. Оценка законопроекта «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: http://mer-center.ru/_ld/0/95_95-1-.pdf

3 См. Варшавер Е.А. Оценка законопроекта «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: http://mer-center.ru/_ld/0/95_95-1-.pdf

В целом эксперты сходятся во мнении, что России необходимо выстроить более четкую и дифференцированную миграционную стратегию, позволяющую, с одной стороны, привлекать именно тех мигрантов, которые необходимы экономике страны, с другой — предоставить самим мигрантам выбрать различные жизненные траектории в зависимости от их миграционных намерений (Деминцева, Мкртчян, Флоринская, 2018). Массовое применение упрощенных процедур натурализации, широкая практика приема в российское гражданство лиц, проживающих за рубежом, приводят к рискам возникновения большого количества «новых граждан», плохо интегрированных в российское общество, не желающих принимать российские правовые и социокультурные нормы, к нехватке контакта иммигрантов с принимающим населением, которое не готово к такому решению демографических проблем (Чудиновских, 2014).

Теоретический анализ показывает, что единой и всеобъемлющей концепции, охватывающей все риски и угрозы, связанные с международной миграцией, не существует (Омельченко, Максимова, Ноянзина, 2018). Более того, академические и политические дискуссии о миграции довольно разнообразны, они варьируют от пессимистических, указывающих на негативные эффекты миграции, до оптимистических, подчеркивающих положительную роль миграции, что в целом отражает смену парадигм, доминирующих в том или ином периоде (De Haas, 2010).

Можно выделить два основных потока исследований относительно рисков природы миграции. Первый из них основывается на дискурсе криминализации миграции и устанавливает связи между миграцией, организованной преступностью, торговлей наркотиками, людьми и оружием, распространением инфекционных болезней (Duvell 2008, Sahin-Mencutek 2012, Иванова, 2013; Рязанцев и др., 2015). Другое направление использует дискурс секьюритизации, подчеркивающий дестабилизирующее влияние миграции на интеграцию принимающего сообщества и высвечивающий проблемы и опасности, которые миграция создает для общественного порядка (Huysmans, 2000). Его основная цель — продвижение ограничительных законодательных и административных мер для обеспечения безопасности границ и национальной целостности.

Оба подхода получили большое количество критики как дискриминативные, способствующие распространению тревоги, социальной и этнической напряженности в принимающих странах (Ceyhan, & Tsoukala, 2002; Frauser, 2006; Bourbeau, 2011). В ответ на необходимость отхода от алармистских лозунгов к более этическому контексту, где мигранты перестают быть объектом нападок и ассоциироваться с экзистенциальной опасностью, был запущен процесс десекуритизации миграции (Huysmans, & Squire 2009), призванный способствовать признанию прав на мобильность и разработке более подходящих политических стратегий в области миграции (Pécoud, & de Guchteneire 2006: 73, 75—76, 82).

Учитывая, что под риском, в наиболее широком его понимании, подразумевается вероятность или угроза нанесения вреда, ущерба или любого другого негативного последствия, вызванного внешней или внутренней уязвимостью субъекта риска (Haines, 2009; Aven, 2011), и что риск становится «социальным», когда он

касается определенных социальных групп или коллективов, таких как организация, социальная группа, нация или государство, мы разделяем точку зрения о том, что риски являются ментальными конструктами, зависящими от социальных норм и мнений экспертного сообщества (Beck, 2013; Renn, 2017). Разные исследователи по-разному определяют понятие социального риска, вкладывая в него специфику изучаемой группы или конкретной сферы деятельности (Акулич, Комбарова, 2008), однако большинство сходится во мнении, что исследование риска должно принимать во внимание как объективные, так и субъективные стороны риска, отражающие его комплексный характер, их взаимосвязь, особенности конструирования и интерпретации (Hansson, 2010). По отношению к международной миграции это означает, что анализ должен принимать во внимание данные из различных источников и должен включать их сопоставление, сравнение точек зрения и мнений различных сторон: отправляющих и принимающих сообществ, а также мигрантов как субъектов и объектов риска, носителей безопасного или рискованного поведения.

В своем исследовании мы опирались на концептуальный подход, подразумевающий неоднородность эффектов и влияния миграции (De Haas, 2010), взаимосвязь и взаимозависимость субъектов и объектов риска, которые могут проявляться на индивидуальном, социально-групповом и социетальном уровне (Максимова и др. 2010; Максимова, 2012). Детерминация рисков миграции основывалась на широком спектре факторов, касающихся не только социально-экономической ситуации, но и глобальных миграционных трендов, а также национальной миграционной политики, а разнообразие негативных последствий, как для мигрантов, так и для принимающего сообщества, включало экономические, социальные, культурные, социально-психологические и физические риски, исследованные посредством анализа субъективных оценок и установок населения принимающего сообщества относительно миграции и соответствующих оценок самих мигрантов.

Международная миграция в России характеризуется разнообразными и многочисленными миграционными траекториями, ее характер и структура имеют значительные региональные особенности. В приграничных регионах, благодаря приграничному сотрудничеству, миграционные процессы являются особенно интенсивными (Вардомский, 2008; Михель, Крутова, 2011). В то же время в силу объективных обстоятельств приграничные территории вынуждены принимать на себя риски, связанные с международной миграцией, в частности с пересечением границ и первичной адаптацией мигрантов, трансформацией региональных рынков труда и социокультурной сферы, экономическими и социальными диспропорциями, порождаемыми двусторонними соглашениями между странами (Шайкин, 2013; Каширская, 2013). К сожалению, современное состояние миграционной ситуации в приграничье не позволяет в полной мере использовать ее преимущества, как для мигрантов, так и для принимающего региона. В условиях игнорирования политики интеграции миграция ассоциируется с различными рисками, социальной и межэтнической напряженностью (Вардомский, 2008; Ионцев, 2014). Для повышения эффективности миграционной политики в приграничных регионах необходим комплексный научный анализ миграционных процессов, учитывающий особенно-

сти приграничных территорий, качественные и количественные характеристики миграции, получить которые возможно на основе сопоставления данных из различных источников — как статистических (традиционных при изучении миграции), так и социологических, позволяющих выявить глубинные причины статистических закономерностей и скрытые взаимосвязи, описать социальные практики, «выпадающие» из статистического учета.

Методы

Изучение рисков миграции и интеграционной политики проводилось в рамках научно-исследовательского проекта «Транзитная миграция, транзитные регионы и миграционная политика России: безопасность и евразийская интеграция». Сбор эмпирических данных в рамках первого этапа (2017 г.) проводился в Алтайском крае — типичном полиэтническом регионе азиатского приграничья, занимающем средние позиции в национальном социально-экономическом рейтинге (52-е место, РИА рейтинг социально-экономического положения регионов России, 2018) со сходными для большинства российских регионов экономическими и демографическими проблемами.

Хотя Алтайский край не входит в число регионов-лидеров по количеству международных мигрантов, судя по величине миграционного притока международная миграция все же играет значительную роль в поддержании демографической стабильности этого региона, как и многие другие, испытывающего негативные последствия «западного дрейфа» (Мкртчян, 2004; Василенко, 2014). Средний миграционный прирост в Алтайском крае за счет международной миграции в период 2008-2016 гг. составил 4083 чел. Для сравнения: в Республике Алтай население пополнялось за счет приезжих из других стран в среднем на 204 чел. в год, в Забайкальском крае — на 820 чел., в Иркутской области — на 1833 чел., в Красноярском крае — на 6174 чел., в Омской области — на 4135 чел., в Новосибирске — лидере Сибирского федерального округа — на 8089 чел.

По данным МВД за 2017 г. через пункты пропуска, расположенные на алтайском участке российско-казахстанской границы, и аэропорт г. Барнаула в Российскую Федерацию въехало 663 683 иностранных гражданина и лица без гражданства (+5,4% по сравнению с 2016 г.), при этом значительная часть иностранцев проследовала транзитом в другие регионы страны. Наибольшую долю в числе прибывших традиционно составили граждане Республик Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан. Иностранцам оформлено 4288 разрешений на временное проживание в Российской Федерации год (+2,3% к уровню 2016 г.), 2623 человека приобрели гражданство Российской Федерации. Таким образом, на Алтайский край как на приграничный регион ложится довольно серьезная нагрузка, связанная с приемом иностранных граждан и сопровождением их пребывания на территории России.

Опрос населения осуществлялся на основе стратифицированной многоступенчатой выборки ($n = 932$), распределение по полу — равномерное, возраст респондентов — от 18 до 70 лет, в том числе до 29 лет — 29,9%, 30–49 лет — 41,1%, старше 50 лет — 29,0%, 79,3% респондентов проживали в городской местности и 20,7% —

в сельских поселениях. Интервью с мигрантами проводились в местах их работы и проживания, в центрах тестирования и миграционной службе ($n = 317$). Большинство мигрантов были из стран СНГ (Казахстан — 35,6%, Таджикистан — 22,1%, Узбекистан — 19,2%, Кыргызстан — 7,9%, Азербайджан — 3,5%, Армения — 4,7%, Беларусь — 0,9%) и Украины (3,8%), другие страны также были представлены, но незначительно (Китай, Германия, Грузия, Египет, Молдова). Возраст опрошенных — 16–72 года, средний возраст опрошенных — 30,4 года. На момент проведения исследования 18% мигрантов находились в России менее месяца, 29% — около полугода, 15% — 7–11 месяцев, 23% — 1–3 года и 16% — более трех лет. Более половины опрошенных мигрантов (52%) уже приезжали в Россию ранее и были достаточно хорошо осведомлены о жизни в России. Жизненные планы и дальнейшие намерения респондентов относительно пребывания в России позволили выделить три группы мигрантов: временные трудовые мигранты (39,7%), потенциальные переселенцы, желающие остаться в России и получить гражданство (50,8%), и транзитные мигранты, «осевшие» в регионе временно и желающие переехать в другие регионы России или уехать в другую страну (9,5%).

Основными исследовательскими задачами, рассматриваемыми в рамках данной статьи, являлись следующие:

1. выявление субъективных оценок населения региона о характере миграционной ситуации в регионе, рисках и возможностях, предоставляемых международной миграцией;
2. анализ общих установок населения по отношению к мигрантам и миграционной политике;
3. анализ мнений мигрантов о перспективах интеграции в российское общество, оценка социального благополучия мигрантов, их взаимодействия с местным населением и диаспорами, властями и институтами гражданского общества как индикаторов миграционных рисков.

Результаты

Миграционная ситуация как контекст восприятия рисков миграции и миграционной политики

Исследование показало, что население, проживающее в Алтайском крае, не особенно обеспокоено проблемой международной миграции, его жители чаще всего описывают миграционную ситуацию как спокойную, беспроблемную (42,8%). Около 20% респондентов отметили наличие значительных потоков иностранных мигрантов, 13% — подчеркнули, что в край часто приезжают жители других регионов, отличающихся языком и культурой. Проблема изоляции мигрантов, формирования этнических анклавов для Алтайского края не характерна: о том, что в регионе формируются поселения или кварталы, состоящие из мигрантов, сообщили только 1,1% опрошенных. Учитывая существующие социально-экономические и демографические проблемы региона (почти 40% респондентов отметили, что Алтайский край, по сравнению с другими регионами, является проблемным и менее развитым, 19% — что он является экономически депрессивным), важно, что 35,6% участников

опроса считают большой проблемой не приток, а отток населения в другие регионы страны и за рубеж (рис. 1). Действительно, согласно региональной статистике, только в 2016 г. миграционная убыль населения составила 6,5 тыс. чел., и это при том, что отрицательный обмен населения с другими регионами (–7 тыс.) только частично был восполнен за счет международной миграции.

Миграционная ситуация в Алтайском крае оценивается населением как сходная с другими регионами России: по мнению 34,3% опрошенных, в Алтайском крае приезжих столько же, сколько в других регионах России, 16,8% — считают, что их немногим меньше, 9,8% — что их немногим больше, при этом большинство мигрантов, по мнению населения, — это лица другой национальности, чем национальность местного населения, т.е. мигранты воспринимаются не только как граждане другой страны, но и как этнически «чужие». Наиболее многочисленными, по мнению опрошенных, являются группы мигрантов из Таджикистана (55,7% ответов), Казахстана (50,4%), Узбекистана (49,4%), Армении (43,4%), реже всего респонденты упоминали корейцев (3,0%), турок (2,1%), белорусов (1,7%) и молдаван (1,5%).

Рисунок 1 — Оценка населением миграционной обстановки в регионе, %

Поскольку население не воспринимает миграционную ситуацию как угрожающую, мигранты не являются объектом ненависти или вражды, уровень толерантности к ним довольно высок: 69,8% респондентов отметили, что настроены дружелюбно или испытывают скорее положительные чувства к мигрантам (рис. 2). У каждого пятого респондента дети обучаются в образовательных учреждениях вместе с детьми мигрантов из ближнего зарубежья, среди них 78% отмечают, что к детям мигрантов в школе относятся хорошо (о резко негативном отношении сообщили 0,9% опрошенных, о скорее негативном — 10,4%). Большинство респондентов благосклонно отнеслись к перспективе такого обучения: 20,5% подчеркнули, что оно предоставляет возможности для межкультурной коммуникации, 57,4% — просто указали, что это нормально.

В то же время стоит учитывать, что у населения имеется небольшой опыт личного взаимодействия с мигрантами, их отношение в значительной степени сформиро-

вано «виртуально», посредством СМИ и других информационных источников, включая слухи и бытовое общение: около 70% респондентов ответили, что организация, в которой они работают, не привлекает мигрантов для работы, 82,6% — не привлекали мигрантов для работы в домашнем хозяйстве в течение последних трех лет.

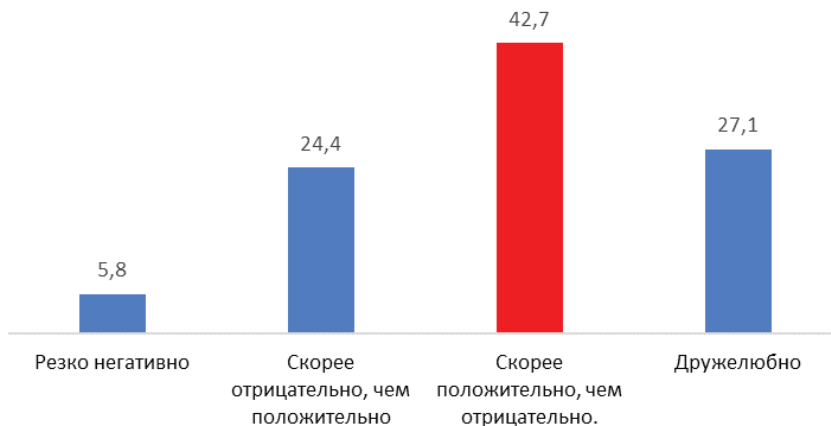

Рисунок 2 — Распределение ответов на вопрос «Как лично Вы относитесь к мигрантам в Вашем регионе?», %

Не имея собственных либо основанных на объективных фактах представлений о миграционных процессах, жители региона склонны считать, что регион может легко обойтись без использования труда иностранных рабочих, которые не только не приносят пользу России, но и используют ее в своих интересах. Отвечая на вопросы о присутствии «гастарбайтеров» в России, 87,4% опрошенных согласились с тем, что Россия должна готовить своих собственных специалистов, а не платить деньги мигрантам, 50,5% — считают, что иностранные специалисты заимствуют технологии и передовые разработки, действуют в интересах своих стран (табл. 1). Около половины опрошенных (46,5%) поддерживают идею ограничения въезда для иностранных граждан в местах их проживания. Что касается нелегальной миграции, то по данным проведенного исследования 60% участников исследования высказались за меры принудительной депортации нелегалов из стран СНГ и только 23% указали, что их следует легализовать, помочь найти работу и если не ассимилироваться, то хотя бы адаптироваться к жизни в России.

Даже если большинство не настроено против мигрантов, многие считают, что правительство должно быть более благосклонно к молодым и квалифицированным мигрантам (31,5%) и закрыть (или хотя бы ограничить) доступ для лиц с плохим здоровьем или малообразованных (28,6%), стимулировать возвратную миграцию русских или русскоговорящих граждан (31,5%)¹. Более трети респондентов поддер-

¹ В период реализации в Алтайском крае Государственной программы по содействию добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников (2010 по 2016 гг.) в регион «вернулись» 8603 соотечественников.

жали инициативы, направленные на привлечение соотечественников разных национальностей, проживающих в новых государствах, образовавшихся после распада СССР, 24,3% — отметили, что государство должно поддерживать всех, кто желает приехать в Россию навсегда (табл. 2).

Таблица 1

Отношение респондентов к присутствию иностранных специалистов в России, %

Как Вы относитесь к присутствию иностранных специалистов в России?	Совершенно не согласен	Скорее не согласен	Скорее согласен	Совершенно согласен	Затрудняюсь ответить
Я считаю, что нам нужно готовить своих специалистов, а не платить деньги иностранцам	4	7	26,3	61,1	1,6
Иностранные специалисты оказывают положительное влияние на экономику	11,6	38,1	31,8	7,8	10,7
Иностранные специалисты способствуют распространению влияния России в мире и поддерживают дружеские отношения России с другими странами	11,5	24,2	41,4	11,5	11,5
Иностранные специалисты заимствуют технологии и передовые разработки, действуют в интересах своих стран	10,3	25,6	34,1	16,4	13,7

Таблица 2

Мнения респондентов о политике в отношении мигрантов, желающих остаться в России, %

Какой политики должно придерживаться правительство России по отношению к тем мигрантам, которые хотят остаться жить и работать в России?	%
Надо поддерживать всех, кто желает приехать на постоянное место жительства в Россию	23,6
Надо поддерживать въезд в страну русского и русскоязычного населения, ограничивая въезд представителей иных национальностей	31,1
Надо поддерживать въезд молодых и образованных граждан, ограничивая въезд нетрудоспособных и малообразованных граждан из других стран	31,5

Какой политики должно придерживаться правительство России по отношению к тем мигрантам, которые хотят остаться жить и работать в России?	%
Надо поддерживать в первую очередь соотечественников разных национальностей из стран бывшего СССР, создавать условия для возвращения в страну	30,1
Надо ограничить въезд в страну для всех категорий мигрантов	6,9
Другое	1,2

Общественное мнение неоднородно, значительное влияние на предпочтения и ожидания граждан оказывают социоструктурные факторы, связанные с социальным, экономическим и территориальным расслоением регионального общества. Так, за поддержку всех мигрантов, желающих приехать в Россию на постоянное место жительства, чаще высказывались респонденты с высшим образованием (26,4%, в группах с более низкими образовательными уровнями — 18,7%) и более высоким уровнем доходов (в группе «достаточно обеспеченных, богатых» — 39,5%, группах с низкими доходами 27,6%, средними — 17,7%)¹. Городские жители значительно чаще, чем жители села, соглашались с утверждением о необходимости поддержки молодых и образованных мигрантов и введения ограничений для нетрудоспособных и малообразованных (33,5% по сравнению с 19,8%). Подобная оппозиция мнений была характерна и для респондентов разных возрастных групп: молодежь и респонденты среднего возраста значительно чаще поддерживали политику отбора «нужных стране» мигрантов (35,7% и 31,3%), чем респонденты старшего возраста (19,5%).

Рисунок 3 — Отношение населения к различным миграционным стратегиям в зависимости от национальной принадлежности, %

¹ Здесь и далее приводятся только статистически значимые результаты сравнительного анализа. Критерий хи-квадрат Пирсона, $p < 0,05$.

Восприятие миграционной ситуации имеет также отчетливый этнический акцент: мигранты являются в сознании населения не просто приезжими, людьми, приехавшими из другой страны, а людьми определенной национальности. Сила и характер этнических чувств (вопрос анкеты «Какие чувства Вы испытываете к представителям других национальностей») значимо коррелирует с личным отношением к мигрантам ($\rho = 0,6$, $p < 0,01$), а оценки миграционной политики значимо различаются в этнических группах, проживающих в регионе. По сравнению с другими национальностями среди этнических русских в два раза больше тех, кто одобряет политику, направленную на поддержку только русского или русскоязычного населения и ограничения въезда других национальностей (32,3% и 14,9%) и, напротив, в два раза меньше тех, кто считает разумным поддерживать всех, кто желает стать постоянным жителем и гражданином России (17,0% и 35,3%). Велики различия в ответах у русских и других национальностей и на вопрос о селективной политике, предполагающей поддержку молодых, образованных и трудоспособных мигрантов (30,3% и 23,1%) (рис. 3).

Одним из ведущих факторов, определяющих мнения и оценки населения, является также фактор безопасности. Среди тех, кто чувствует себя защищенным от вызовов и угроз, значительно больше тех, кто придерживается мнения о необходимости поддержки всех, кто желает приехать в Россию надолго (при этом предполагается, что это может привести к увеличению этнического, культурного и конфессионального разнообразия) (26,2%, в группе с низкой самооценкой безопасности — 10,9%), тогда как граждане, не ощущающие себя в безопасности, значительно чаще считают, что России следует поддерживать въезд в страну только русского и русскоязычного населения (36,1%, по сравнению с 27,1% в группе с высоким уровнем безопасности) или «соотечественников» разных национальностей из стран постсоветского пространства (32,2% по сравнению с 24,6%).

Таким образом, в общественном сознании жителей Алтайского края международная миграция в значительной степени отождествляется с этнической миграцией из стран СНГ, которая представляется явлением закономерным и привычным. Поддерживать меры, направленные на привлечение мигрантов из других регионов мира, готова только ощущающая себя в относительной безопасности ограниченная часть граждан из числа интеллигенции и экономически благополучных слоев населения. Этническое большинство настроено в значительной степени националистически и готово поддерживать только этнокультурно близкие группы мигрантов. Хотя категорически настроенных против мигрантов немного (6,9%), за безразличным или подчеркнуто лояльным отношением населения кроются тревога и опасения, подпитанные негативными стереотипами и искаженными представлениями.

Риски и возможности международной миграции: ожидания и стереотипы населения

Общественное мнение о мигрантах и миграции является, с одной стороны, продуктом, результатом воздействия на общественное сознание определенных информационных технологий и манипуляций, производимых властью, элитами и масс-медиа с целью формирования определенных дискурсов и дискуссий для по-

следующего продвижения политических решений, а с другой — источником, используемым для их создания (Амандин, 2010; Мукомель, 2011). Анализ представлений населения о проблемах и возможных выгодах от международной миграции дает возможность понять, какие дискурсы в настоящий момент преобладают и приняты большинством в качестве наиболее актуальных, а также соотнести государственные приоритеты в области регулирования миграционных процессов с ожиданиями и оценками населения, их готовностью поддерживать и реализовывать миграционные проекты.

Для решения указанной задачи в рамках проведенного исследования респонденты оценивали по десятибалльной шкале утверждения о положительных и отрицательных эффектах миграции, далее эти оценки были распределены по группам высоких (8–10 баллов), средних (4–7 баллов) и низких (1–3 балла) оценок.

Согласно результатам шкалирования, среди возможных выгод от международной миграции наиболее высоко оценивались быстрый и дешевый труд мигрантов (47,8% высоких оценок) и возможность удовлетворить потребность в низкоквалифицированной рабочей силе (34,1%), идеи об увеличении культурного разнообразия, усиления межэтнических коммуникаций не были оценены как привлекательные (13,0% высоких оценок), утверждение о том, что миграция может восполнить пробел в высокоспециализированных специалистах также не получило значительной поддержки (50,1% низких суммарных оценок).

Анализ восприятия негативных эффектов показал наличие алармистских и предвзятых мнений населения о миграции: 43% респондентов согласились (поставили высокие отметки), что международная миграция приводит к ухудшению криминогенной обстановки, 42% — что миграция усиливает напряженность на рынке труда, более трети — что мигранты разрушают традиционную российскую культуру и образ жизни. Только 11% опрошенных согласились с утверждением о рисках социальной эксклюзии и дискриминации, которые могут испытывать мигранты.

Оценки населения не вполне согласуются с официальной статистикой: по итогам 2017 г. на территории края отмечается снижение на 11,5% (с 495 до 438) числа преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства (СФО: –10,9%; Россия: –6,4%). Преступления, связанные с лицами рассматриваемой категории, не оказывают заметного влияния на уровень и состояние преступности в регионе: удельный вес преступлений, совершенных иностранными гражданами, от общего числа расследованных преступлений составил 1,7% (СФО: 1,4%; Россия: 3,6%). Не соответствует действительности и гипотеза о влиянии миграции на повышение уровня безработицы: как показал проведенный нами анализ статистических данных в регионах России, регионы с высоким уровнем безработицы и большим удельным весом безработных, находящихся в затяжном поиске работы и с большим периодом нахождения работы, не являются привлекательными для международных мигрантов (Омельченко, Максимова, Ноянзина, 2018). Что касается влияния миграции на разрушение традиционной российской культуры, то вполне очевидно, что на этот процесс оказывает воздействие множество факторов, миграция лишь один из возможных, его изолированное влияние трудно оценить.

Оценки населения рисков и возможностей,
предоставляемых международной миграцией, %

	Эффекты миграции: риски и возможности	Низкие значения	Средние значения	Высокие значения
Позитивные эффекты	Миграция — это в целом хорошо для развития экономики	30,3	53,5	16,2
	Мигранты делают Россию более открытой новым идеям и культурам, привносят этническое и культурное разнообразие	35,4	51,6	13,0
	Мигранты делают работу дешевле и быстрее, чем местные жители	11,5	40,7	47,8
	Мигранты помогают улучшить демографическую ситуацию в стране	39,9	45,5	14,7
	Миграция обеспечивает потребность экономики в низкоквалифицированных кадрах, работниках непрестижных профессий	17,5	48,4	34,1
	Миграция обеспечивает восполнение нехватки высококвалифицированных специалистов	50,1	42,1	7,8
Негативные эффекты, угрозы	Мигранты создают конкуренцию на рынке труда и «отнимают» работу у местных жителей	17,2	41,4	41,5
	Мигранты являются изгоями общества, ограничены в правах и свободах, испытывают дискриминацию	44,9	44,5	10,6
	Миграция введет к ухудшению криминогенной обстановки	10,1	47,1	42,8
	Миграция приводит к размыванию традиционной российской культуры и образа жизни	17,0	50,3	32,7
	Мигранты завозят новые заболевания, распространяют инфекции. Способствуют повышению заболеваемости	21,6	45,8	32,5
	Миграция формирует у людей негативные стереотипы о представителях других национальностей	16,0	48,7	35,3

Проведенный факторный анализ (использовался метод главных компонент) позволил выделить три ведущих фактора, определяющих оценки населения (общая доля объясненной дисперсии — 54,0%, первый фактор — 23,1%, второй — 21,6%, третий — 9,4%). Пространство факторных нагрузок после вращения по первым двум факторам представлено на рисунке 4.

В первый фактор с максимальными нагрузками вошли переменные, иллюстрирующие предполагаемые риски миграции — размывание традиционной российской культуры ($\alpha = 0,77$), ухудшение криминогенной обстановки ($\alpha = 0,74$), распространение инфекций и повышение заболеваемости ($\alpha = 0,70$), создание напряженности на рынке труда ($\alpha = 0,65$) и формирование негативных стереотипов о представителях других национальностей ($\alpha = 0,64$). Величина факторной нагрузки, представляющая собой корреляцию между переменной и выделяемым фактором (чем выше нагрузка, тем больше доля дисперсии переменной, объясняемая данным фактором) может быть использована для анализа иерархии рисков. Результаты показывают, что на первом месте по субъективному значению для населения среди дискурсов о недостатках миграции стоит дискурс о разрушении культурной целостности, усилении фрагментарности, сегментировании социокультурного пространства, обесценивании культурных основ российского общества, а уже на втором и последующих местах — связь миграции и преступности, миграции и общественного здоровья. Экономические риски миграции, связанные с конкуренцией рабочей силы, оказались в этом списке только на четвертом месте.

Ко второму фактору были отнесены положительные эффекты, среди которых наиболее важное значение имели экономические («Миграция — это в целом хорошо для развития экономики», $\alpha = 0,75$), культурные («Мигранты делают Россию более открытой новым идеям и культурам, привносят этническое и культурное разнообразие», $\alpha = 0,73$) и демографические («Мигранты помогают улучшить демографическую ситуацию в стране», $\alpha = 0,73$). На четвертом месте с небольшим отрывом — обеспечение потребности экономики в низкоквалифицированных кадрах ($\alpha = 0,60$) и восполнение нехватки высококвалифицированных специалистов ($\alpha = 0,56$). Таким образом, вектор положительных изменений, ассоциирующихся с миграцией, в целом соответствует реализуемым правительством приоритетам в области миграционной политики. Однако тот факт, что положительные эффекты в структуре факторов занимают второе место, а на первом месте находятся негативные стереотипы, а также слабая когнитивная сложность (выделено всего два основных фактора, эффекты, которые по содержанию являются разными, слиты в сознании населения в один большой эффект — все либо плохо, либо хорошо) свидетельствует о том, что в обществе преобладает восприятие миграции прежде всего как проблемы, а не как возможности для развития региона, во-вторых, что население не заинтересовано в получении разнообразной информации о миграции и довольствуется общими посылками, и в-третьих, что использование мигрантов для удовлетворения потребностей в рабочей силе является, по мнению населения, менее значимым и не вполне адекватным реалиям по сравнению с другими задачами.

Третий фактор, имеющий слабую информативность по сравнению с первыми двумя, включал переменные, описывающие риски социальной эксклюзии и дискриминации мигрантов: «Мигранты являются изгоями общества, ограничены в правах и свободах, испытывают дискриминацию» ($\alpha = 0,73$) и «Мигранты такие же люди, как и коренные жители, и заслуживают гуманного отношения к ним» ($\alpha = -0,49$). Третье место в факторной структуре и низкие оценки населения еще раз показы-

вают, что эта проблема, во-первых, слабо артикулирована в пространстве дискурсов о миграции, во-вторых, для населения риски, относящиеся к самим мигрантам, не являются значимыми, требующими внимания, следовательно, оно не готово прилагать значительные усилия для их преодоления.

Примечательно, что утверждение «Мигранты делают работу дешевле и быстрее, чем местные жители» получило примерно одинаковые нагрузки по всем трем факторам (примерно по 0,4). Это означает, что дешевый труд мигрантов, с одной стороны, оценивается населением как преимущество, которое используется в целях экономии средств и получения большей прибыли, с другой стороны — это риск для принимающего сообщества, заключающийся в освоении мигрантами определенных трудовых ниш и вытеснении с рынка труда местного населения, а с третьей стороны, демпинг мигрантов на рынке труда свидетельствует об их более низком статусе, уязвимом положении и потенциальных неправомерных практиках.

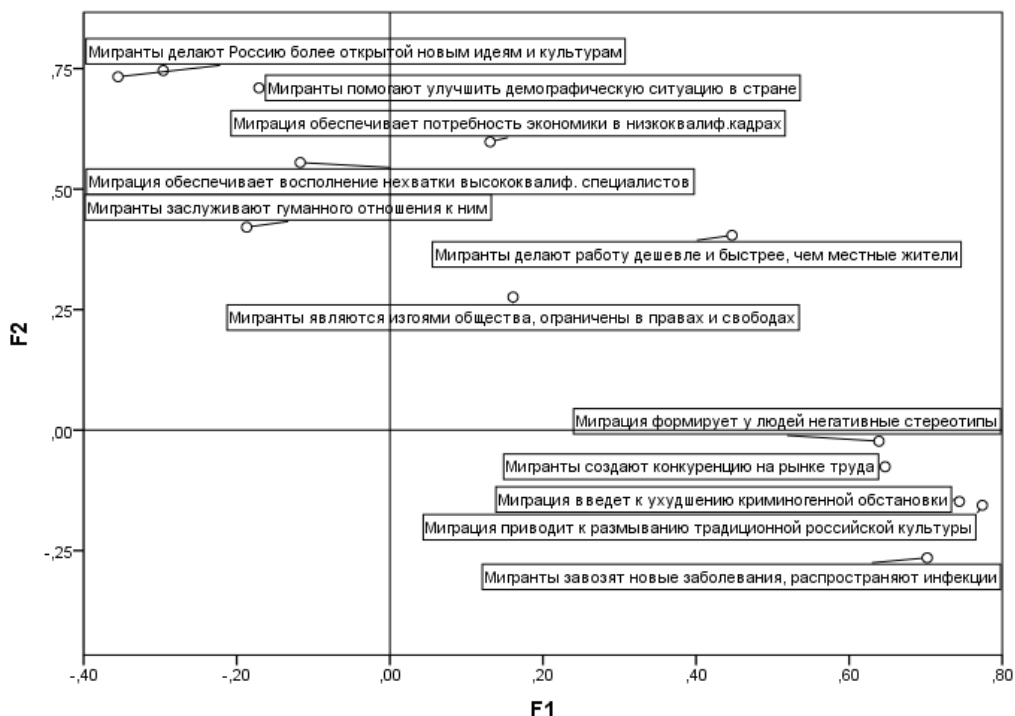

Рисунок 4 — Результаты факторного анализа оценок населения о рисках и возможностях, предоставляемых международной миграцией.

Координаты точек — факторные нагрузки после Varimax-вращения

Миграция и интеграция в российское общество: взгляд изнутри

Оценки населения свидетельствуют о том, что миграционная ситуация в Алтайском крае не является кризисной и напряженной, как в столичных мегаполисах,

и что риски, связанные с миграцией, выражены слабо и не воспринимаются жителями региона как существенная для региона проблема. Что по этому поводу думают сами мигранты? Как они воспринимают региональное сообщество и свои отношения с местными жителями? Какова роль социальных институтов в обеспечении необходимого уровня адаптации и интеграции мигрантов в региональный социум?

Одним из важнейших условий для успешной адаптации к новым социальным и культурным условиям, в которые попадают приезжие, является безопасность, отсутствие угроз для жизни и здоровья. Более половины опрошенных мигрантов в своих интервью отметили, что чувствуют себя в абсолютной безопасности, около 40% — в относительно хорошей безопасности, 88% никогда не были свидетелями национализма или насилия в отношении мигрантов. Довольно высок уровень удовлетворенности различными аспектами жизни: 84,6% трудовых мигрантов удовлетворены актуальными семейными отношениями, 72,8% — отношениями с коллегами, 67,6% — своей работой, 66,4% — своей жизнью в целом, 65,2% — здоровьем, самые низкие оценки касались поддержки национально-культурных (52,7%) и религиозных объединений (50,3%). Отношения с местным населением были оценены в основном как дружественные и миролюбивые (44,7%), о негативном отношении сообщили только 13% мигрантов (среди них только 1,8% указали наличие напряженных отношений). Большинство мигрантов верят в возможность взаимопонимания и сотрудничества между «коренными жителями» и приезжими (76,6%). Таким образом, мигранты, в отличие от принимающего населения, довольны новыми обстоятельствами своей жизни и исполнены оптимизма по поводу своих перспектив в России, чему, несомненно, способствует улучшение их материального положения после переезда, о котором сообщили 57,8% мигрантов, участвовавших в опросе (21,1% указали на значительные улучшения, только 5% отметили, что их материальное положение ухудшилось), а также представления о более мягкой, по сравнению с другими странами, политике по отношению к мигрантам в России (47,2% ответов, 46,2% считают, что политика такая же, как и в других странах, 6,6% — что она более жесткая).

В ходе опроса мигранты высоко оценили уровень доверия, испытываемого к семье и друзьям, тогда как оценки доверия к местным властям, ведомствам и объединениям были более скромными: мигранты больше доверяют работодателю (61,4%), чем, например, миграционной службе (47,5%), полиции (43%), или диаспорам и даже общественным организациям, защищающим их права. Что касается последних, то мигранты недостаточно используют ресурсы диаспор и этнических сообществ (37,6%). Если это происходит, то чаще всего для получения помощи в адаптации к новым условиям жизни в стране (53,3%), получении регистрации и разрешений (41,8%), поиске работы (40,8%), реже финансовой помощи (39,2%), помощи с образованием для детей (41,3%) разрешения конфликтных ситуаций (40,8%).

Между тем очевидно, что далеко не все мигранты хотят и стремятся стать гражданами России, принять ее культуру и ценности. Значительная часть мигрантов, особенно те, кто приехал временно и не желает оставаться в России надолго (около трети выборки) стараются сохранить свою этнокультурную идентичность и социальные связи: им нравится быть в компании, состоящей только из земляков, иметь луч-

ших друзей, отмечать праздники, готовить пищу, думать и действовать в соответствии с менталитетом их страны. Наиболее выраженная тенденция состоит в соединении двух национальных культур, сохранении первоначальной этнокультурной идентичности и ее частичной модификации под влиянием российских реалий (табл. 4).

Таблица 4

Аккультурационные стратегии мигрантов, %

	России	Моей родной страны (откуда я приехал)	Обеих стран	Ни одной, ни другой страны
Мне приятнее находится в компании, состоящей из людей из...	7,6	17,4	73,5	1,6
Мои лучшие друзья из...	7,2	35,8	54,4	2,5
Люди, с которыми я лучше всего общаюсь из...	8,2	30,3	59,9	1,6
Мои любимые телепередачи, фильмы из...	16,8	12,4	61,3	9,5
Праздники, которые я чаще отмечаю, это праздники ...	8,8	29,6	59,1	2,5
Дома я употребляю пищу, приготовленную в кулинарных традициях ...	7,9	15,5	71,6	4,7
То, как я думаю о людях, мире, и делаю что-то, больше всего характерно для...	7,3	28,4	58,1	6,1

Заключение

Таким образом, мы можем заключить, что миграционная ситуация в Алтайском крае оценивается населением как спокойная и не проблемная, соответственно большинство рисков, связанных с миграцией, оцениваются как маловероятные. В то же время, учитывая предвзятые и ограниченные представления населения о миграции, их сфокусированность только на проблемах безопасности и адаптации мигрантов, мы можем заключить, что риски, особенно связанные с напряженными взаимоотношениями с населением, имеют скрытый характер. Алтайскому краю, как приграничному региону, требуется более эффективная политика, в число мер которой должно входить изменение общественного мнения о миграции, повышение среди мигрантов доверия к государственным институтам и общественным организациям, вовлеченным в регулирование миграционных процессов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Акулич М.М., Комбарова Е.В. Социологическое изучение социальных рисков: история и современность. Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования, 2008, No. 4, 55–62.

Амандин Р. Образ мигрантов и миграционная политика в России. Антропологический форум, 2010, (13), 389–406.

Андреев Е., Вишневский А. Ближайшие демографические перспективы России. Демоскоп Weekly, 2014, 601–602. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0601/tema03.php> (дата обращения: 1.08.2018).

Арсентьева И.И. Приграничные регионы в системе национальной безопасности России (на примере Забайкальского края). Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2009, (108), 191–198.

Беляев С.А. Основные тенденции миграционных процессов в России. Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований, 2017, 2(2), 226–230.

Вардомский Л. Б. Приграничное сотрудничество на «новых и старых» границах России. Евразийская экономическая интеграция, 2008, 1(1), 90–108.

Варшавер Е.А., Рочева А.Л. Интеграция мигрантов: что это и какую роль в ее осуществлении может играть государство. Журнал исследований социальной политики, 2016, 14(3).

Василенко П.В. Методика оценки миграционной привлекательности территории. Географический вестник, 2014, 3(30), 38–46.

Деминцева Е.Б., Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Миграционная политика: диагностика, вызовы, предложения. Москва: Центр стратегических разработок, 2018.

Иванов С. Международная миграция в России: динамика, политика, прогноз. Вопросы экономики, 2011, No.10, 35–53.

Иванова Л.Ю. Социальные риски для здоровья трудовых мигрантов. Вестник Института социологии, 2013, No.1, 130–145.

Ивахнюк И. Управление международной трудовой миграцией: мировой опыт и российские практики. Проблемы теории и практики управления, 2015, No.10, 36–44.

Каширская А.В. Проблема миграции в приграничном сотрудничестве России и Китая. Управленческое консультирование, 2013, 4(52), 69–74.

Максимов М.Б., Морковкина А.Г., Омельченко Д.А. Системная адаптация и интеграция мигрантов как условие эффективной реализации государственной национальной политики Российской Федерации. Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве, 2017, (5-1), 185–194.

Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Гончарова Н.П., Омельченко Д.А., Варава В.В., Дубова Т.Г. Современные реалии социальной безопасности регионального социума. Известия Алтайского государственного университета, 2010, (1-2), 187–190.

Максимова, С.Г. Социально-экономические и социально-политические угрозы безопасности в оценках населения приграничных регионов России. Вестник Алтайского государственного аграрного университета, 2012, 98 (12), 132–137.

Малахов В.С. Интеграция мигрантов. Концепции и практики. Москва: Мысль, 2015.

Михель Е.А., Крутова О.С. Миграционные процессы в зеркале трансформаций: приграничные регионы России. Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2011, 14 (2), 86–96.

- Мкртчян Н. В. «Западный дрейф» внутрироссийской миграции. Отечественные записки, 2004, No.4, 94–104.
- Мукомель В. Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества. Россия реформирующаяся, 2016, No. 14, 411–467.
- Мукомель В.И. Миграционная политика России. Постсоветские контексты. Москва: Диполь-Т, 2005.
- Мукомель В.И. Российские дискурсы о миграции: «нулевые годы». Россия реформирующаяся, 2011, No.10, 86–109.
- Омельченко Д.А., Максимова С. Г., Ноянзина О. Е. Международная миграция и безопасность российских регионов: статистический анализ и опыт построения типологии. *Society and Security Insights*, 2018, 1(1), 13–31.
- Рязанцев С.В., Богданов И.Я., Храмова М.Н. Прогнозирование миграции в контексте формирования внешней миграционной политики России. Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право, 2017, No. 1, 5–12.
- Сулейманова Ш.С., Рябова Е.Л. Миграционные процессы и межнациональные межконфессиональные отношения в России: взаимовлияние и роль СМИ. Этносоциум и межнациональная культура, 2016, No. 2, 9–21.
- Чудиновских О.С. Государственное регулирование приобретения гражданства Российской Федерации: политика и тенденции. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
- Шайкин Д.Н. Особенности и возможные последствия миграционных процессов в приграничных регионах России и Казахстана (на примере Омской и Северо-Казахстанской областей). Экономический анализ: теория и практика, 2013, 7(310), 57–62.
- Aven T. On some recent definitions and analysis frameworks for risk, vulnerability, and resilience. *Risk Analysis: An International Journal*, 2011, 31(4), 515–522.
- Beck U. Risk Society Revisited: Theory, Politics and Research Programs. In *The sociology of risk and gambling reader*. Routledge, 2013. pp. 68–90.
- Bourbeau P. The securitization of migration: A study of movement and order. New York: Routledge, 2011.
- Ceyhan A., Tsoukala A. The securitization of migration in western societies: Ambivalent discourses and policies. *Alternatives*, 2002, No.27, 21–39.
- De Haas H. Migration and development: A theoretical perspective. *International migration review*, 2010, 44(1), 227–264.
- Düvell F. Clandestine migration in Europe. *Social Science Information*, 2008, 47(4), 479–497.
- Fausser M. Transnational migration — A national security risk? Securitization of migration policies in Germany, Spain and the United Kingdom. Center for International Relations, 2006.
- Haimes Y.Y. On the complex definition of risk: A systems-based approach. *Risk Analysis: An International Journal*, 2009, 29(12), 1647–1654.

- Hansson S.O. Risk: objective or subjective, facts or values. *Journal of Risk Research*, 2010, 13:2, 231–238. doi: 10.1080/13669870903126226
- Heleniak T. The Evolution of Russian Migration Policy in the Post-Soviet Period. In *Migration in an Era of Restriction and Recession*. Springer, Cham, 2016. pp. 211–232.
- Huysmans J. The European Union and the securitization of migration. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 2000, 38(5), 751–777.
- Huysmans J., Squire V. Migration and security. In: *The Routledge handbook of security studies*, 2009. Pp.169–179.
- Lang J. Central Asia: the crisis of the migration model and its potential impact on the EU. *OSW COMMENTARY NUMBER 237* | 25.04. 2017.
- Mencutek Z.S. Immigration control in transit states: The case of Turkey. *European Journal of Economic and Political Studies*, 2012, 5(1), 137–163.
- Pécoud A., De Guchteneire P. International migration, border controls and human rights: Assessing the relevance of a right to mobility. *Journal of Borderlands Studies*, 2006, 21(1), 69–86.
- Renn, O. *Risk governance: coping with uncertainty in a complex world*. Routledge, 2017.
- Ryazantsev, S.V., Karabulatova I.S., Mashin R.V., Pismennaya E.E., Sivoplyasova S.Y. Actual problems of human trafficking and illegal migration in the Russian federation. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2015, 6(3 S1), 621.

REFERENCES

- Akulich, M.M. Kombarova, E.V. (2008). Sotsiologicheskoe izuchenie sotsial'nykh riskov: istoriya i sovremennost' [Sociological study of social risks: history and present]. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, no 4, 55–62.
- Andreev, E., Vyshnevskiy, A. (2014). Blizhajshie demograficheskie perspektivy Rossii [Immediate demographic prospects of Russia]. *Demoscope Weekly*, no 601–602. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0601/tema03.php> (Accessed June, 2018).
- Arsentyeva, I.I. (2009). Prigranichnye regiony v sisteme natsional'noj bezopasnosti Rossii (na primere Zabajkal'skogo kraja) [Border regions in the system of national security of Russia (on the example of Transbaikal territory)]. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*, (108), 191–198.
- Aven, T. (2011). On some recent definitions and analysis frameworks for risk, vulnerability, and resilience. *Risk Analysis: An International Journal*, 31(4), 515–522.
- Beck, U. (2013). *Risk Society Revisited: Theory, Politics and Research Programs*. In *The sociology of risk and gambling reader* (pp. 68–90). Routledge.
- Belyaev, S.A. (2017) The main trends of migration processes in Russia. *International journal of applied and fundamental research*, 2(2), 226–230.
- Bourbeau, P. (2011). *The securitization of migration: A study of movement and order*. New York: Routledge.

- Ceyhan, A., & Tsoukala, A. (2002). The securitization of migration in western societies: Ambivalent discourses and policies. *Alternatives*, no. 27, 21–39.
- Chudinovskikh, O.S. (2014). Gosudarstvennoe regulirovanie priobreteniya grazhdanstva Rossijskoj Federatsii: politika i tendentsii [The state regulation of the acquisition of citizenship in the Russian Federation: policy and trends]. Moscow: HSE.
- De Haas, H. (2010). Migration and development: A theoretical perspective. *International migration review*, 44(1), 227–264.
- Demintseva, E.B., Mkrtychyan, N.V., Florinskaya, Yu.F. (2018). Migratsionnaya politika: diagnostika, vyzovy, predlozheniya [Migratsionnaya politika: diagnostika, vyzovy, predlozheniya]. Moscow: Center for Strategic Research.
- Düvell, F. (2008). Clandestine migration in Europe. *Social Science Information*, 47(4), 479–497.
- Fausser, M. (2006). Transnational migration — A national security risk? Securitization of migration policies in Germany, Spain and the United Kingdom. Center for International Relations.
- Haines, Y. Y. (2009). On the complex definition of risk: A systems-based approach. *Risk Analysis: An International Journal*, 29(12), 1647–1654.
- Hansson S.O. (2010) Risk: objective or subjective, facts or values. *Journal of Risk Research*, 13:2, 231-238, doi: 10.1080/13669870903126226.
- Heleniak, T. (2016). The Evolution of Russian Migration Policy in the Post-Soviet Period. In *Migration in an Era of Restriction and Recession*. Springer, Cham. pp. 211–232.
- Huysmans, J. (2000). The European Union and the securitization of migration. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 38(5), 751–777.
- Huysmans, J., Squire, V. (2009). Migration and security. *The Routledge handbook of security studies*, 169–179.
- Ivahnyuk, I. (2015). International labour migration management: global experience and Russian practices. *Theoretical and Practical Aspects of Management*, (10), 36–44.
- Ivanov, S. (2011). International migration in Russia: dynamics, policy, forecast. *Voprosy Ekonomiki*, (10), 35–53.
- Ivanova, L.Yu. (2013). Social risks for the health of migrant workers. *Vestnik Instituta Sotziologii*, no 1, 130–145.
- Kashirskaya, A.V. (2013). Problema migratsii v prigranichnom sotrudnichestve Rossii i Kitaya [Migration problem in cooperation between Russia and China]. *Management consulting*, 4(52), 69–74.
- Lang, J. (2017). Central Asia: the crisis of the migration model and its potential impact on the EU. *OSW COMMENTARY NUMBER 237* | 25.04. 2017.
- Maksimova, S.G., Noyanzina, O.E., Goncharova, N.P., Omelchenko, D.A., Varava, V.V., Dubova, T.G. Contemporary realities of social security in regional society. *Izvestiya of Altai State University*, (1–2), 187–190.
- Malahov, V.S. (2015). Integration of migrants. Conceptions and practices. *Mysl'*.

Maximov, M.B., Morkovkina, A.G., Omelchenko, D.A. (2017). System adaptation and integration of migrants as a condition of effective realization of the State nationalities policy of the Russian Federation. Social integration and development of ethnic cultures in the Eurasian space, 5(1), 185–194.

Maximova, S.G. (2012). Sotsial'no-ehkonomicheskie i sotsial'no-politicheskie ugrozy bezopasnosti v otsenkakh naseleniya prigranichnykh regionov Rossii [Social-economic and social-political threats for security in evaluations of population from border regions of Russia]. Bulletin of Altai State Agricultural University, 98 (12), 132–137.

Mencutek, Z.S. (2012). Immigration control in transit states: The case of Turkey. European Journal of Economic and Political Studies, 5(1), 137–163.

Mihel, E.A., Krutova, O.S. (2011). Migratory processes as mirrored by the transformations border regions in Russia. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 14 (2), 86–96.

Mkrtchyan, N.V. (2004). Zapadnyj drejv vnutrirossijskoj migratsii [The westward drift of internal migration in Russia]. Otechestvennye zapiski, no. 4, 94–104.

Mukomel, V.I. (2005). Migration policy of Russia. Post-soviet contexts. Dipol-T.

Mukomel, V.I. (2011). Rossijskie diskursy o migratsii: “nulevye gody” [Russian discourses about migration: “2000s”]. Rossiya reformiruyushhayasya [Russia in reforms], no 10, 86–109.

Mukomel, V.I. (2016). Adaptation and integration of migrants: methodological approaches to assessment of effectiveness and the role of receiving society. Rossiya reformiruyushhayasya [Russia in reforms], (14), 411–467.

Omelchenko, D.A., Maximova, S.G., Noyanzina, O.E. (2018). International migration and security in Russian regions: statistical analysis and the experience of typology building. Society & Security Insights, 1(1), 13–31.

Pécoud, A., De Guchteneire, P. (2006). International migration, border controls and human rights: Assessing the relevance of a right to mobility. Journal of Borderlands Studies, 21(1), 69–86.

Regamey, A. (2010). Representations of Migrants and Migration Policy in Russia. Forum for Anthropology and Culture, (13), 389–406.

Renn, O. (2017). Risk governance: coping with uncertainty in a complex world. Routledge.

Ryazantsev, S. V., Karabulatova, I. S., Mashin, R. V., Pismennaya, E. E., & Sivoplyasova, S. Y. (2015). Actual problems of human trafficking and illegal migration in the Russian federation. Mediterranean Journal of Social Sciences, 6(3 S1), 621.

Ryazantsev, S.V., Bogdanov I.Ya., & Khramova M.N. (2017). Forecast of migration in the context of the formation of Russia foreign migration policy. Science review. Series 1: Economics and law, (1), 5–12.

Shaikin, D.N. (2013). Features and implications of migration in the border regions of Russia and Kazakhstan (on example of Omsk and North Kazakhstan regions). Economic Analysis: Theory and Practice, 7(310), 57–62.

Suleymanova, S.S., & Ryabova E.L. (2016). Migration Processes and International, Interethnic Relations in Russia: Interinfluence and the Role of Mass Media. *Ethnosocium*, (2), 9–21.

Vardomskij, L.B. (2008). Prigranichnoe sotrudnichestvo na «novykh i starykh» granitsakh Rossii. *The Journal of Eurasian Economic Integration*, 1(1), 90–108.

Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S. (2017). Migrant integration on the local level: results of an academic and practical project. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, no 5, 110–117.

Vasilenko, P.V. (2014). Metodika otsenki migratsionnoj privlekatel'nosti territorii [Methodology of evaluation of migrational attractiveness of territory]. *Geograficheskij vestnik*, 3(30), 38–46.